

На следующее утро Вэнь Чаннин встал рано, кое-как умылся и снова направился в ближайшую кухню.

Хозяина павильона Чуньтин не было, очаг не разжигали.

Вэнь Чаннин зашёл на главную кухню усадьбы.

Кухня главного двора была просторной и светлой, с несколькими очагами. Мяса было много, овощей тоже много, но их разнообразие уступало современному. Вэнь Чаннин подумал, что в древности, без помощи современных технологий, зимой простые люди, возможно, не могли позволить себе овощей.

Этим утром Вэнь Чаннин изначально собирался снова есть только паровые булочки, но всё из-за того, что он увидел горшок с соленьями.

Раньше Вэнь Чаннин и глазом бы не повёл на соленья — с детства он не знал никаких трудностей в жизни.

Но нынешний Вэнь Чаннин был уже не тем Вэнь Чаннином. Теперь он был неудачником, который два-три дня подряд питался одними паровыми булочками.

Вэнь Чаннин силой убеждал себя, ссылаясь на нехватку соли в организме: «Сейчас я съем кусочек соленья, а потом верну серебро вдвойне. Действуй смело!»

Первые два дня он брал чужую еду бесплатно, и у него ещё была тонкая кожа, было неловко. Но теперь он понял, что наглость тренируется.

После двух дней халявы нынешний Вэнь Чаннин считал, что его кожа стала толще. Теперь он мог, испытывая угрызения совести, всё же честно засунуть кусок соленья в середину булочки.

Вэнь Чаннин сделал примитивный вариант булочки с соленьем. Когда он впервые откусил, подумал: «Не пора ли сейчас пустить слезу умиления?»

Он сам рассмеялся над этой нелепой мыслью и чуть не поперхнулся.

Поев, Вэнь Чаннин снова побродил по павильону Чуньтин.

В одном укромном месте он увидел несколько человек, собравшихся вместе.

Увидев людей, Вэнь Чаннин не стал подходить слишком близко. Остановившись в нескольких шагах, он нашёл каменный блок, сел, подпёр подбородок и стал слушать, чтобы развлечься.

До ушей Вэнь Чаннина донеслись обрывки разговора:

— Вы знаете? Сегодня возвращается господин.

— Откуда ты знаешь? — спросила юная служанка.

Тот самый слуга, который завёл разговор, с самодовольной улыбкой ответил:

— Я уже три года служу в усадьбе Гу. Каждый год господин молится девять дней в храме Цыгуан за упокой души покойной госпожи. Сегодня последний день.

«Хм, Гу Чанъянь возвращается. Похоже, мне придётся искать другое место для сна», — подумал Вэнь Чаннин.

Вэнь Чаннин размышлял о своих делах, а когда пришёл в себя, тема разговора уже сменилась.

— Как вы думаете, кто этот вор, который ворует вещи?

— Да, вот уже два дня каждый день он приходит на кухню воровать еду. Повар Чжан просто в ярости.

«...Простите, простите. Но, возможно, я сделаю это снова. Мне очень жаль», — слушая, Вэнь Чаннин искренне извинялся в душе.

Когда все разошлись, Вэнь Чаннин встал и размял руки и ноги.

Затем он направился прямо за пределы усадьбы.

Пользуясь тем, что утром на улице мало народу, он решил прогуляться.

...

За воротами усадьбы тянулся длинный широкий переулок, старинный и изящный.

Сцены, которые раньше можно было увидеть только в кино, здесь встречались повсюду, что давало Вэнь Чаннину ощущение реальности.

Сколько бы раз он ни смотрел, Вэнь Чаннин всё равно слегка замирал.

Каждый раз, выходя на улицу, он всё глубже осознавал: здесь не только усадьба выглядит по-древнему, но и вся эпоха такова, всё, что он видит, — такое.

Ночной туман был густым, и к утру синие каменные плиты на земле стали влажными. Слышались звуки шагов, изредка проходили один-два путника, не останавливаясь.

Вэнь Чаннин прошёл немного, свернул за угол и оказался на главной улице. Было утро, поэтому в большинстве только что открытых лавок и ресторанов почти никого не было, зато у лотков с едой и харчевен выстроились очереди.

Глядя на уличную картину, на переплетающиеся переулки и старинные виды, Вэнь Чаннин испытывал непреодолимое чувство новизны.

Он видел других, а другие не видели его. Хотя он не мог участвовать в этой жизни, он сам находился в ней — это тоже было удивительным жизненным опытом.

У Вэнь Чаннина не было цели прогулки — просто от скуки и любопытства он медленно брёл, останавливаясь время от времени.

Пройдя больше часа, на улице сталолюдно. Вэнь Чаннин устал гулять и присел отдохнуть у стены.

Вэнь Чаннин бесцельно оглядывался по сторонам, когда его внимание привлёк человек наискосок напротив.

Перед высоким рестораном с вывеской «Фэнлэ» стояла карета, которая с первого взгляда была явно недешёвой. Слуга подошёл и помог выйти из кареты мужчине.

Этот мужчина был одет в роскошные одежды, с благородной осанкой, лет тридцати с небольшим, выглядел как интеллигентный мерзавец.

Вэнь Чаннин мельком подумал: «В современном мире этот человек был бы очень обаятельным дядечкой средних лет».

Тут же из ресторана вышел толстый мужчина средних лет, сложил руки в приветствии и, с подобострастным видом встречая интеллигентного мерзавца, что-то говорил ему.

Вэнь Чаннин находился через улицу и ничего не слышал. Он видел, как оба мужчины вошли в ресторан.

Когда интеллигентный мерзавец ступил в ресторан, он, казалось, что-то почувствовал и резко обернулся в сторону Вэнь Чаннина.

Не увидев никого, он едва заметно нахмурил брови, так быстро, что находившиеся рядом ничего не заметили и продолжали говорить.

Интеллигентный мерзавец тоже быстро сделал вид, что ничего не случилось, снова слегка приподнял уголки губ и продолжил непринуждённо беседовать.

С другой стороны, Вэнь Чаннин испугался этой сцены.

Он уже думал, что этот мужчина его заметил, но, к счастью, ничего не произошло. Этот человек был слишком проницателен — почувствовал, что на него кто-то смотрит.

Вэнь Чаннин пробыл на улице до самого вечера, затем вернулся в усадьбу Гу. Стража у ворот, добросовестно исполняя свои обязанности, пропустила его внутрь.

Делать было нечего. Поужинав, он из любопытства послушал сплетни слуг — в основном просто чтобы скоротать время, — а затем сходил в общую умывальню, чтобы ополоснуться и вымыть голову.

Сейчас уже стемнело. Вэнь Чаннин гулял целый день, чувствовал себя уставшим и хотел только спать.

Он лёг на тахту, мысли путались. Ему казалось, что он забыл что-то, но раз не помнит, значит, это неважно.

Когда Вэнь Чаннин уже почти заснул, с другой стороны, у ворот усадьбы Гу, медленно остановилась карета.

Один из стражников у ворот сказал своему товарищу:

— Господин вернулся. Иди сообщи господину.

Товарищ кивнул и направился внутрь усадьбы.

Возница остановил лошадей, поставил скамеечку для выхода. Занавеску кареты откинули изнутри; первым выпрыгнул юноша в военном одеянии, с длинным мечом в руке. Одной рукой он придерживал занавеску, ожидая, пока выйдет тот, кто внутри.

Первой показалась рука с чёткими суставами пальцев, затем показалась вся фигура: стройная, в лунно-белом парчовом халате, скрывающем неоспоримую красоту. Лицо было прекрасным, как яшма, брови и глаза словно с картины, чёрные волосы ниспадали, словно водопад, лишь наполовину перехваченные зелёной шёлковой лентой. Гу Чанъянь встал на землю.

Стражник почтительно сложил руки в поклоне и сказал:

— Приветствую господина.

Гу Чанъянь махнул рукой, показывая, что можно не церемониться. Он шагнул в ворота, Чжаолань последовал за ним.

Не успели они пройти и нескольких шагов, как к Гу Чанъяню быстро подошёл мужчина средних лет, поклонился и произнёс:

— Приветствую господина.

— Дядюшка Ли. — Гу Чанъянь взял дядюшку Ли за руку, помогая ему выпрямиться.

Этот мужчина средних лет был управляющим усадьбы Гу. Ему было около пятидесяти лет, внешность достойная, наполовину седые волосы, но глаза острые и проницательные, выдавая мудрость и опыт прожитых лет.

— Господин просит вас пожаловать в кабинет, — почтительно сказал управляющий Ли.

— Хорошо, я сейчас иду, — ответил Гу Чанъянь. Затем повернулся: — Чжаолань, ступай первым.

— Слушаюсь. — Юноша поклонился и удалился.

Гу Чанъянь изменил направление и направился в главный двор. Управляющий Ли последовал за ним.

.....

<http://bllate.org/book/18800/1827379>